

Михаил Гиршовский
Профессия - Человек

Михаил Гиршовский
Профессия – Человек

«Издательские решения»

Гиршовский М.

Профессия – Человек / М. Гиршовский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933668-2

Сейчас стихи возникают сразу. Бывает, что в рифму. При переезде в Америку оставил все тексты в сумке сыну. Взял с собой пару текстов подлиннее и ту самую книжку «Эхо тепла (Ещё раз первая любовь)», которую издал перед отъездом. Тексты есть в жж. Веду на youtube «Видеоблог поэта». Видимо, это первый такой, потому что GOOGLE выдает его первой строкой.

ISBN 978-5-44-933668-2

© Гиршовский М.
© Издательские решения

Содержание

«Говорить о еврействе, о долгом труде его счастья...»	6
«В чаду открытий бесеня...»	7
«О чем еще, как не об этом? ...»	8
Гаммы	9
1	9
2	10
3	11
4	12
5	13
6	14
7	15
8	16
9	17
10	18
11	19
12	20
13	21
14	22
MAGISTRAL	23
«на дороге прямо к богу...»	24
«Я родился. Земля – гироскоп...»	25
ДОМА ВОЗЛЕ ДВУХМЕСЯЧНОГО СЫНА	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Профессия – Человек

Михаил Гиршовский

*«Проза в стихах»
Александр Межидов*

*«Человекотекст»
Дмитрий Бобышев*

© Михаил Гиршовский, 2018

ISBN 978-5-4493-3668-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Говорить о еврействе, о долгом труде его счастья...»

*«Забота у нас простая,
Забота наша такая»
Лев Ошанин*

Говорить о еврействе, о долгом труде его счастья
Мы не можем, мы можем, как медленный медленный снег:
И заносы мешают, хотя, никакого ненастья
И совсем нету ветра, и странный для города свет
Без источника, без направленья, без тени, как сначала, до слова —
Не отделена
Воссияния света судьба и основа
Человечая смертная страстная тьма,
Так над морем рассвет проступает из мира
Раньше солнца и пасмурно, и наверняка.
Снегопад.
Снегопад – порожденье эфира
Телерадиосводок синоптиков нам.
Нарушение сплошности всех измерений,
Всех времен и имен, и пространств
В теле – попросту дрожь пульса сердцебиений,
Скачка мышцы срывается с рыси на пляс.
Свистопляска словес разговора петляет,
Словно рыщем по городу – где карнавал? —
Между наших мозгов, наших тел, наших мыслей и рук и срывает
Ограниченность масок, одежд, целомудрия, совести – в бал
Бесконечно сплошного с кораблядства по курсу,
Где работал секстант, времяметр и компас,
Где любовь, а любовь – пограничное чувство
Одиноких людей, государств и пространств.
Если ты это – я, то к чему имена в разговоре? он же только
подглядывать может мой взгляд!
Понимаю со страхом и витаю над морем
Безотчетную вечность подряд.
Но нельзя, но нельзя, но нельзя раздвоиться,
За кабальным трудом не понятен шабаш,
И мечтатель Элохайэм в лицах
Ставит мир.
Это – наш.

1988, март, 16

«В чаду открытий бесеня...»

В чаду открытий бесеня,
двадцатилетний Берт Эйнштейн глушил без сливок кофе.
Пушкин
сдирает цедру юбок с слов,
и смотрят голыми задами строфы.
Феллах, всцарапавший Суэц по сумасшедшему французскому
проекту.
Писец, вложивший клад заветов в пергамент свитков, покоровших
время.
Строка не беспредельна, нет,
закончилась строка – ударил гонг – окончилось стихотворенье.

Петля или пуля – ждет точка,
падает нож гильотины, и катится голова.
Метельщик метет, шагает прохожий,
гул битвы и пульс игрока.
Перед собой всегда в исповедальне
распластан ниц,
душа нагая брошена на камни
беспомощных больниц.
Отшельник. Пустынь.
Бред и память.
И некого спросить.
Один.
Богач и оборванец.
И надо жить.

1975

«О чем еще, как не об этом? ...»

О чем еще, как не об этом? —
я сумасшедший, Господи, спаси.
В нахохленную спину лета,
вдогонку, август моросит.

Трамваи громяют – в полночь,
развозят город по домам.
В беззвездном небе утро – гончая,
седой рассвет, слепой туман.

Погоня, мир неясных связей
«причина-следствие», обгон —
и снова дождь, и снова август
бьет лужи вдребезги, и звон.

1977

Гаммы *Венок сонетов*

1977—1982

«Кровь не та, что течет в жилах, а та, что течет из жил.»

Юлиан Тувим

1

Волна-тюлень, играя со скалой,
упруго-выгнутой спиной блестя,
скользя на солнце над бездонной тьмой,
ласкалась к твердости, боясь и лстя.

Ворсинки плесени, подмытые волной,
всплывали с ней и реяли, спустя
касание вслед за схлынувшей водой
захлюпав, облепляли известняк громады.

Между тем, волна, бесясь,
дрожа кудрями гребня над собой,
уже зарвалась, вверх себя неся,
уже нельзя остановить разбег
слепой, и, словно выдохнул прибой, —
разбилась вдребезги и рухнул снег.

2

Разбилась вдребезги. И рухнул снег
осколков, брызг, стремлений, смыслов, целей
в постыдном потревоженном похмелье —
И, как по кафелю, разбрызган век.

Хоть что хоть как – его поднять на смех
и лихо ухнуть, словно на качелях —
хоть гибельной и одинокой трелью,
хоть карнавальным хохотом калек
из-за угла (куда нам на проспект!)

Устал не понимать веселый бег
вполне бессмысленным и сам не свой
опять бредешь и бредишь еле-еле,
покуда не хлестнет из канители
шелчок бича, услышанный спиной.

3

Щелчок бича, услышанный спиной
прохожего, а именно – меня,
в толпе раздался среди бела дня
не тронув никого (хоть ой-ой-ой —
не убивает грохот громовой,
но не бывает дыма без огня).

Перед спиной прохожего меня
тревожит слева трепет роковой —
се бьётся сердца пламень огневой,
обычно недовольного собой

(неполноценности живой пример).
И я опять не знай куда слинял,
обиженно на счет себя приняв
косога разговора оклик «негр».

4

Косого разговора оклик: «негр!» —
смотри (я обернулся) не пойму!
идет, все-все ему нипочему,
шагает adidas-ами. Убей! —
взаправду. Верь не верь, а – негр
шестого роста. Ночью не засну
от зависти. Ни сердцу ни уму —
не женщина же я. Но нерв
задет спортивной злостью, и я вверх
тянусь – хочу как он. Мне одному
надо быть эдаким, а не ему.

А дорасту до Бога, раб и червь, —
втянусь, перепугавшись, съежусь вниз —
разорван комплекс в старушачий визг.

5

Разорван комплекс в старушачий визг,
разбрызган кал из всех, где клал, толчков
по стенам, лицам, мыслям, смыслам слов
после фатальных для маразма клизм.

Утрусь и отвечаю: не роись —
Что те угодно, пока это жизнь,
пока еще сюда, где все, любовь.

Под кукареканье не онанизм
на все дела отечеств и отчизн
скрипеть и петь, пока еще покров
последний или нет – не пал.

И в непосредственной близости гробов
агонизирует по жилам кровь —
степной простор среди трамвайных шпал.

6

Степной простор среди трамвайных шпал,
Самара в бредне проводов и рельс,
кто, почему и как же дышит здесь? —
по карточке клочок на душу дан.

Росистый луг закатан под асфальт,
а в трещинах пропыленная месь
зеленая и жалкая... «Не лезь
не в свое дело!» Кто это сказал?!

И даже если дождь... и только дождь —
не пуля в лоб и никакая ложь,
а только капля смачных майских брызг.

Играл-не отыгрался-проиграл —
неумный-умный – воля, долг и крест —
трава и пыль и русский вдрызг язык.

7

Трава и пыль и русский вдрызг язык —
мой первый перекресток. На углу
журчала в сток вода. Царица луж
обильного дождя, и напрямик

бурлящая вода и мусор – в крик! —
бульжной мостовой, пугая слух,
не слышавший ни разу как бьет ключ,
ручьями ливней наполняя вмиг

царицу луж, где мы учились вплавь,
когда не посуху. Дружок, сопляк,
ты очень взрослый, таким сразу стал.

Трамвайный ров мне в пятьдесят шестом
окоп, противотанковый заслон.
И пыль Отечества вгорает как напалм.

8

И пыль Отечества вгорает как напалм,
когда полчеловека пьяно бьет
крючком из пятерни по культям ног,
а это он рассказывает нам
как будто он вчера чинил сапог.
Наш дядя Петя вечно пьет и врет,
но есть на свете тайна наших мам,
что нашему кварталу Богом дан
сапожник дядя Петя. Он один
пришел из класса, где учился сын
неважно чей. Мальчишка перерос
длиной пол-воина из-под Москвы
и слушает его, и все свои
болят старухи, дороги до слез.

9

Болят старухи, дороги до слез
последние шаги тогда живых,
их палочки стучали тихо-тихо
по нашим классикам. Кто их унес?

Да нет, тогда еще такой вопрос
не возникал, свою судьбу мы в них
не видели. Футбольная шумиха
с утра до ночи, оставляли пост
в воротах или линии атак
для пообедать, в школу или так
куда-нибудь, чтобы куда-нибудь скорей.

Ну да, чтобы скорей, скорее всё. на, —
так случилось, мало? Пока всё —
ненужные морщины матерей.

10

Ненужные морщины матерей
убоги, отвратительны, точны
как совесть. Негр! не соберешь костей.

И что смотреть полуслепые сны
про то как первый в жизни лицедей
с фамильными ухватками шпаны
крошит на сцене вежливых проныр —
всё сплошь в кудрях от авторских затей.

Идут пешком, в улыбках холодок
нестрашных мыслей, пережитых впрок,
идут поодиночке на костер.
Сгорят, и неспалима купина,
и мною неотмаяна вина:
я – этот негр, ответственность – за все.

11

Я этот негр. ответственность – за все
несет Создатель, виноват творец,
затейливый зловещий режиссер.
Как бы не так! Не верю, что ты есть.
О твердой власти память сохранит
сознание веками бритых лбов
На слом бараки вечных пирамид
и мавзолеи, просто склад гробов.

Быть виноватой страшно наотрез
убогой совести, лишь тычется
наивный и нелепый интерес
куда ни попадя, едва будя
сознание. Вина фактически
лежит на мне. Я сам себе судья.

12

Лежит на мне «я сам себе судья»,
а я к себе всегда чертовски добр,
да и за что мне злиться на себя?
Я же прохожий, а не прокурор,
и я люблю прохожего себя —
хоть что он натвори, все вздор
(то важен и надут, то, нестерпя
в партер хихикнет гаденько позер).

Нечистоплотен, лжив. – не может быть,
а впрочем, ну – я знаю, это так.

Обрывки масок, щепки костылей
всегда мешали и мешают жить —
и кто упрям и прям, и тем, кто лжив,
и никакой не русский я, – еврей.

13

И никакой не русский, я еврей:
вот паспорт, вот лицо. Отец и мать
и их отцы и матери. Прервать? —
предать бессмертный нуклеин семей,
ряд клеток спермы, вплоть до этих дней
в которых дожит код семьи моей —
не слову эти цепи разорвать
дано, хоть и оглохнуть – так орать.

Сплетет, замесит, сотворит судьба
быт с бытием и быт без бытия,
где плевел буйствует, и злак зачах.

Что было и что нет проверь собой
по телу, по мозгам, везде где боль,
по человеческой крови на гвоздях.

14

По человеческой крови на гвоздях
учи цвета знамен: течет, текла,
засохла, струп отсох, заржавела
и – черные лохмотья мяса. Так.

В глаз попадает солнечный пустяк,
глаз ослеплен, не замечает зла,
по ветру развеивается зола,
по ветру развеивают рыжий прах,

и все сначала – солнце, море, свет,
и можно жить и не искать ответ
и думать, что здесь все само собой.

Ласкаясь, черт возьми! боясь и лстя,
упругой, выгнутой спиной блестя,
волна – тюлень играет со скалой.

MAGISTRAL

Волна-тюлень, играя со скалой,
разбилась вдребезги, и рухнул снег —
щелчок бича, услышанный спиной,
косога разговора оклик: «негр».

Разорван комплекс в старушачий визг,
степной простор среди трамвайных шпал,
трава и пыль и русский вдрызг язык,
и пыль Отечества вгорает как напалм,

болят старухи, дороги до слез
ненужные морщины матерей.
Я – этот негр, ответственность за все
лежит на мне. Я сам себе судья.
И никакой не русский я – еврей
по человеческой крови на гвоздях.

«на дороге прямо к богу...»

на дороге прямо к богу
встречу женщину и вздрогну
нет пути в заносах снежных
деру дать от мыслей нежных
за столом опять сидят
он, она и ейный брат
братнин взгляд слегка тревожит... —
атеист! слепец! безбожник!
вспряну, дернувшись со сна,
не опасно – не она

«Я рождался. Земля – гироскоп...»

Я рождался. Земля – гироскоп,
голубой от бездонного неба,
норовила с орбиты вбок —
хоть куда, где её ещё не было.

Наступила как площадь Земля —
мокрый снег по асфальту растоптан,
здесь, шагами по зеркалу, хлябь
разнесли, словно жизненный опыт.

Расплывается Мир за слезой
в изумлённом мерцании радуг,
лица в пятнах от солнца.
Стой.
Спектр, смешайся в чистую правду!

Наступи, ослепительный белый.
Место – только вспышка и миг.
Я родился сюда, я настиг —
наступили пространство и время.

*Апрель, 19 – Ноябрь, 6
1979*

ДОМА ВОЗЛЕ ДВУХМЕСЯЧНОГО СЫНА

Лишь попадая в оболочку понятий
ясных, сознаю как много
жизни в неловкой правде
бестолковых выборов дороги,
когда
споткнулся – шаг, занесся
на второй – подножка.

Бегом, бегом
по гаревой, или по выверенной лоции
вплавь – вдоль известных берегов,
согласно створным знакам, бакенам, буям.
А берега – горячие сыпучие пляжи,
а на островах – ивы заплакали,
а в воде, страшной совсем без дна,
если можешь – можешь утопить стражу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.